

«Прыгай веселее...»

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛАВРСКОГО СХИАРХИМАНДРИТА МИХАИЛА (БАЛАЕВА)

В 2025 году будет отмечаться 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. С началом войны православные люди пошли защищать страну, несмотря на недавние жестокие репрессии и преследования верующих богоборческой властью. Церковь морально поддерживала верующих, выступала за защиту Отечества на фронтах, по мере сил старалась помогать организации обороны страны. Священники и миряне несли свое послушание в тылу и на передовой. К юбилею Великой Победы «Журнал Московской Патриархии» начинает публикацию материалов о священниках — ветеранах Великой Отечественной.

Схиархимандрит Михаил (в миру Виктор Федорович Балаев) родился 7 сентября 1924 года в деревне Богородское Загорского района Московской области (ныне пригород Сергиева Посада) в крестьянской семье. Окончил семилетнюю школу, а затем Богородскую профессиональную школу резьбы по дереву¹, получил профессию художника-скульптора.

Виктор Балаев был призван на фронт в 1942 году в возрасте 18 лет. Впоследствии он рассказывал, что именно тогда впервые узнал о таком монашеском понятии, как отсечение воли. Виктор хотел, чтобы их с товарищем зачислили в один полк, но случилось иначе. Он очень расстроился, а командир строго сказал: «Значит, так. Твоя воля была — попасть сюда. Попал — можешь теперь забыть о своей воле».

Молодой человек был направлен в 4-й запасной железнодорожный полк, затем — в 75-й отдельный восстановительный железнодорожный батальон. Вскоре пришло письмо от матери, в котором сообщалось, что его отец умирает. Виктор очень любил отца и был на грани отчаяния. Он стал горячо молиться, и вдруг услышал тихий женский голос: «А ты постись...» В недоумении рассуждая про себя, что бы это могло значить, не почудилось ли ему, он вспомнил, что идет Успенский пост! И Виктор начал поститься, несмотря на тяжелые условия военного времени и армейской службы. Отдавал редкие кусочки мяса сослуживцам — иногда те делились своим хлебом или сахаром. Отец

Михаил вспоминал, что очень радовался в таких случаях и держал кусочек сахара за щекой долго, как карамельку. Это умение сохранять непосредственную детскую радость в сложных жизненных обстоятельствах и потом, в Лавре, всегда умиляло братию.

Спустя некоторое время пришло еще одно письмо из дома о том, что отец каким-то чудом выжил и поправился. В благодарность Богу и Его Пречистой Матери Виктор решил и дальше соблюдать все посты. Потом он делился, что именно в годы войны пост приносил особенную духовную радость и легкость.

В марте 1943 года в составе одной из стрелковых частей 33-й армии Виктор Балаев участвовал в боях за освобождение Вязьмы.

Об одном из тех боев отец Михаил вспоминал: «Шли мы через Сычевку на Вязьму. Весна 1943 года, грязно, болота. Очень тяжело было. Передвигались практически все время пешком. Когда приблизились к Вязьме, нужно было форсировать реку. Было это 12 марта. Над рекой на горе стоял большой собор. Там укрепился немецкий пулеметчик. Несколько атак захлебнулось. Подошла наша очередь, идти надо по тонкому, покрытому водой льду. Я внутренне сказал себе тогда, что, если останусь жив, уйду в монастырь. Наша рота пошла в атаку. Перебежал через реку. Лег в окоп. Посмотрел по сторонам. До берега добежало лишь двое из ста. Так Господь меня спас».

Икона Божией Матери «Одигитрия Вяземская Ратная»

Отец Михаил вспоминал, что такой молитвы и ощущения близости Бога, какие были на войне, он больше никогда не испытывал. Рассказывал об одном из боев: дым, черное от самолетов небо, вокруг рвутся снаряды. Куст рядом с отцом Михаилом срезало под корень. Грохот, земля дрожит под ногами. Ощущение полного оцепенения. И вдруг из этого оцепенения его выводит какой-то стук по спине, по животу... Оказывается, это совсем молоденькие солдатики, человек десять, прижались к нему, своему командиру, и кричат от страха: «Мама!» И он начал за них молиться. От взрывов снарядов в земле и рот, и глаза, и уши. Никто из ребят тогда не погиб.

Одиннадцатого мая 1944 года сержант Виктор Балаев выбыл из военно-пересыльного пункта 202-го стрелкового полка в 19-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Двадцать пятого июля 1944 года был тяжело ранен, пробыл в госпитале до января 1945 года. По выздоровлении мог быть демобилизован, но вернулся на фронт. После выписки сержанта Балаева направили в Челябинск в 7-й учебный танковый полк, входивший в состав 7-й учебной танковой бригады Уральского военного округа. Вероятно, там он проходил обучение для возвращения на фронт уже на танке, так как после тяжелого ранения сильно хромал.

В 1947 году Виктор Балаев демобилизовался в звании старшего сержанта.

Спустя десятилетия, когда отец Михаил узнал, что под Вязьмой планируется создание женского монастыря, где бы молились о павших воинах, он рассказал историю о явлении Пресвятой Богородицы в 1941 году и предложил написать образ с условным названием «Вяземская Ратная». Сюжет иконы взят из рассказа сослуживца отца Михаила, оказавшегося в так называемом Вяземском котле.

В 1941 году в тех местах проходили ожесточенные бои, буквально каждая пядь земли была полита солдатской кровью. Несколько советских военных группировок тогда очутились в Вяземском котле и попали под массированный огонь фашистской авиации и артиллерии. Попытка прорваться из кольца окружения была предпринята 14 октября 1941 года — в праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Некоторым удалось вырваться

*Послушник Виктор
Балаев
(слева)*

*Иеромонах Иоасаф
(Балаев)
(справа)*

из Вяземского котла — им было видение Царицы Небесной.

Отец Михаил впоследствии передал рассказ своего сослуживца — участника тех событий: «Когда определялись места прорыва, то точек было несколько: в районе деревни Мартюхи, где сейчас стоит скит монастыря, в районе деревни Доманово, еще — по реке Курьяновке, там, где строится монастырь, и под деревней Марково. Задача была рассеять внимание неприятеля и сделать так, чтобы хотя бы один из прорывов удался.

Прорывались одновременно. Солдат-сослуживец сказал, что, когда они выходили от села Богородицкое по реке Курьяновке, все видели, как над верхушками деревьев шла женщина в длинном платье и жестом руки приглашала за собой, указывала путь. Увидевшие ее поняли, что это — Божия Матерь, так как недалеко была церковь в честь Ее иконы "Одигитрия"».

На основе этого рассказа еще при жизни старца Михаила была написана икона «Одигитрия Вяземская Ратная», сейчас она находится в Покровском храме монастыря².

Вернувшись после службы в армии на родину в 1947 году, Виктор проработал два года

художником-инструктором в профтехшколе деревни Богородское. Он стал членом товарищества Союза художников, а потом и областного Союза художников.

Через несколько лет после окончания войны Виктор Федорович Балаев сдержал данный им обет. Двенадцатого июня 1959 года он был принят послушником в Троице-Сергиеву лавру. А через год подал прошение на постриг, в котором писал: «От малых лет имея горячее желание послужить Богу, смиренно прошу вашего благословения, отец наместник, постричь меня в иноческий чин. Обязуюсь все послушания, возложенные вами и старшими на меня, выполнять добросовестно и сберегать уважение и послушание к братии Лавры и трудиться всегда честно и добросовестно во славу обители преподобного Сергия». Прошение было удовлетворено, и 19 августа 1960 года, в праздник Преображения Господня, наместником Лавры архимандритом Пименом (Извековым; † 1990) послушник Виктор был пострижен в монашество с именем Иоасаф, в честь святителя Иоасафа Белгородского.

В монастыре отец Иоасаф нес послушания в братской трапезной, на проходной, пономаря

Схиархимандрит Михаил в алтаре Трапезного храма на Пасху

и дежурного Троицкого собора. Двадцать девятого августа 1961 года епископом Николаем (Кутеповым; † 2001) он был рукоположен во иеродиакона. Отец Михаил вспоминал, что ему, хромому фронтовику в диаконском сане, было непросто исполнять послушания. В Лавре тогда братии было немного. В Троицком соборе дежурили в одну смену: с утра и до вечера. Прийти на послушание нужно было рано, в начале пятого утра, чтобы к братскому молебну все лампы уже горели и все было готово к службе. Весь день на дежурстве. Отлучиться можно было только на трапезу, если кого-то присылали на подмену. Но бывали дни, когда никто не подменял. В 16:30 собор закрывали на уборку. В это время открывали Успенский собор или Трапезный храм для совершения уставного ве-

черного богослужения. Иеродиакону Иоасафу практически без отдыха после дневной смены в Троицком нужно было идти служить, диаконов тогда не хватало.

Восемнадцатого октября 1969 года иеродиакон Иоасаф был рукоположен во иеромонаха и направлен в Патриаршую резиденцию в Переделкино, где он нес послушание с 1969 по 1988 год. Он был одним из келейников Патриарха Алексия I. Отец Иоасаф часто вспоминал о Патриархе Алексие как о человеке святой жизни.

После кончины Святейшего батюшка продолжал нести послушание в Переделкине. Четвертого апреля 1974 года он был возведен в сан игумена.

Последующие годы стали для отца Иоасафа временем тяжелых испытаний. Помимо постоянных притеснений от властей, начались проблемы со здоровьем — тяжелая бронхиальная астма, затем злокачественное заболевание кишечника. В 1996 году старец перенес тяжелую операцию в Клинической больнице № 119 (в настоящее время Федеральный клинический центр высоких медицинских технологий Федерального медико-биологического агентства России). Можно сказать, что с появлением там отца Иоасафа, одного из первых лаврских пациентов, началось духовное окормление клиники Лаврой. Со временем сотрудничество укрепились, и сейчас больница является медицинским центром, в котором лечится лаврская братия. Врачи, удивляясь терпению и смирению старца, отмечали, что батюшка исполнял все назначения и просил врачей, чтобы к нему относились как к обычному пациенту. При этом он говорил: «Врачи и лекарства — от Бога. Они делают свое дело, а ты делай свое — молись!» И конечно, отец Иоасаф усердно молился сам. Он даже закрасил окна своей кельи в Переделкине белой краской, чтобы не отвлекаться от молитвы.

В 1988 году с выражением благодарности за понесенные многолетние труды отец Иоасаф был освобожден от возложенного послушания и возвращен в Троице-Сергиеву лавру. В октябре того же года наместником Лавры архимандритом Алексием (Кутеповым) отец Иоасаф был пострижен в великую схиму с наречением имени в честь Архистратига Божия Михаила.

Перед постригом к отцу Иоасафу, который к тому времени уже две недели не мог есть,

пришел отец Алексей и спросил: «Ну что, созрел для схимы?» А тот ответил, как ребенок: «Неа!» И после ухода отца наместника, обратившись к преподобному Сергию, чья икона висела в келии, по-детски сказал: «Тебе-то хорошо, ты уже на Небесах, а мне каково тут в схиме будет? Я пока не готов». Прошло еще четыре дня. Батюшка уже не мог даже пить. И в какой-то момент вдруг тихо произнес: «Зовите отца наместника». Вместе с отцом Алексием к батюшке пришли около двадцати человек братии, и состоялся постриг отца Иоасафа в великую схиму.

После пострига отец Михаил пошел на поправку. С тех пор он не покидал Лавру. Настоятельница Успенского Гремячева монастыря игумения Михаила (Осипова) вспоминала: «Благодаря святым молитвам батюшки строились и расцветали новые монастыри, возглавляемые его духовными чадами: в Малоярославце, Калуге, Хабаровске, Тюмени, Саратове, на Кавказе, в Кузбассе, даже в Америке. Открывались православные детские приюты. Вместе с сестрами монастырей батюшка перенес все вражеские нападения на юные обители, каким-то таинственным образом передавая свой духовный опыт их игумениям. Старец всегда говорил, что у Бога один большой монастырь,

разбросанный по всему земному шару, и все монахи — это одна большая семья. И мы всей душой чувствовали это единение».

Также особое внимание старцу оказывали игумения Николая и сестры Никольского Черноостровского женского монастыря из Малоярославца. После Пасхи и Рождества они посещали отца Михаила с воспитанницами своего приюта для девочек. Необычно было слышать в братском корпусе пение тропарей и рождественских колядок звонкими детскими голосами, а войдя в келью, видеть ее заполненной нарядными воспитанницами, старательно исполнявшими песнопения под руководством сестер-наставниц. Такие встречи были очень дороги для отца Михаила и, несомненно, остались навсегда в памяти всех присутствовавших.

О старце с большим теплом вспоминал протоиерей Сергей Правдолюбов († 2024): «Совершенно удивительный батюшка. Моя сестра Елена хорошо его знала, потому что проработала несколько лет в Патриаршей резиденции в Переделкино и часто с ним общалась. Через нее он передал мне совершенно поразительный подарок — наперсный крест архимандрита Иоанна (Крестьянкина; † 2006). Я бы никогда в жизни не смог отдать такую святыню — а он отдал! Только монахи могут делать

*Схиархимандрит
Михаил в келье.
Май 2009 г.*

*Проводы
отца Михаила
в последний путь
(слева)*

*Прощальное
слово лаврского
наместника
архиепископа
Феофоста
(справа)*

такие подарки! Я храню этот крест как драгоценную святыню сразу от двух отцов — отца Иоанна и отца Михаила. Еще от отца Михаила в нашей семье сохранились кресты, которые он сам вырезал, — для вкладывания в руку почившего в гробу. С этим крестом был похоронен мой отец, моя мама, и на мою долю тоже крест остался. Есть еще наперсный крест-мощевик с частицами мощей святых угодников. Таким образом, связь нашей семьи с отцом Михаилом и с Троице-Сергиевой лаврой продолжается — и в этом такая любовь и такая радость!»

Отец Сергей не дожил двух недель до столетия старца. Он преставился 24 августа. И рука почившего в гробу сжимала крест, вырезанный отцом Михаилом.

Еще один крест-мощевик, вырезанный им, сейчас хранится у братии. В Лавре сложилась традиция: когда кто-то едет на послушание в зону боевых действий окормлять военных, берет с собой крест фронтовика.

Отец Михаил был воплощением любви, радости и детской непосредственности. Он мог взять кочерыжку капусты и, демонстрируя ее келейнику, весело воскликнуть: «Смотри, это же дельфинчик!» Или попросить принести ему с улицы охапку листьев и восхищаться, какую красоту создал Бог.

Однажды отца Михаила спросили: «А вы когда-нибудь любили?» И он ответил: «Да, очень! У меня была младшая сестричка Манечка. Когда утром мы с ней шли пасти гусей — босиком по острой осоке, — я полз перед ней и стелил эту траву, чтобы она ножки не порезала». Вот такая любовь!

Последние годы перед кончиной, страдая от тяжелых болезней и старческих немощей, схиархимандрит Михаил провел в своей келье. Покидал ее старец лишь пару раз в год, когда братия отвозили его на колясочке на общее братское соборование Великим постом и на Пасху в храм. При этом он неизменно пребы-

вал в бодром состоянии духа, шутил над своими немощами, всегда откликался на просьбы дать короткие наставления, особенно если человек искал решение о выборе дальнейшего жизненного пути и задумывался о принятии монашеского пострига.

А в Михайлов день братия во главе с наместником после праздничной трапезы сами шли в келью поздравлять именинника. После многолетия владыка Феогност говорил отцу Михаилу поздравительное слово и в конце добавлял: «Отцы, смотрите и учитесь: старец в такой немощи — а в какой радости всегда пребывает!»

Пасхальная торжествующая радость действительно озаряла отца Михаила, несмотря на его великие телесные немощи. Он мог утешить, пожалеть, воодушевить, сам оставаясь прикованным к одру. Виделось какое-то таинство монашеского креста, келейного боления: Господь давал отцу Михаилу силу и мудрость, будучи столь немощным, помогать другим, разрешать очень сложные проблемы, по слову апостола: *сила Божия в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

К рекомендациям врачей отец Михаил относился очень ответственно, старался тщательно исполнять все предписания и вовремя принимать лекарства. Врачи тоже несли свое «послушание» следить за здоровьем старца с радостью, регулярно посещали его, проводя лечение в келье и периодически в стационаре. По их мнению, можно было только удивляться, как старец в течение последних 15 лет своей жизни справлялся с нездоровьем, переносил тяжелейшие обострения болезней и вновь «воскресая» для молитвы и помощи нуждающимся в духовной поддержке.

Можно даже сказать, что отец Михаил любил лечиться и любил врачей. Часто повторял, что врач — это лучшая профессия на земле. Он всегда старался оказать медикам внимание, преподнести в дар духовную литературу или полученные от духовных чад угощения.

Однажды в середине 1990-х годов после поздней консультации в келье, когда врачам нужно было преодолеть около ста километров по ночной заснеженной дороге, батюшка вдруг обратился к лаврскому эконому: «Нужно бы бензинчику на дорожку налить доктору». Врач и эконом переглянулись, испугавшись благословения старца, которое, конечно, не-

возможно было выполнить. И вот на выезде из Сергиева Посада, когда уровень топлива действительно стремился к нулю, было решено заправить старенький "москвич" на автозаправке хотя бы на десять литров, чтобы дотянуть до дома. Далее произошло непонятное: колонка стала отсчитывать 10, 20, 30 литров, вскоре топливо перелилось и заструилось по асфальту. Сотрудники автозаправки в панике отключили электричество, и только тогда "заправка" автомобиля прекратилась. Оказалось, что колонка вышла из строя и перестала останавливать подачу топлива именно на машине доктора. Оплата за перелив оператор брать не стал.

Николай Владимирович Костенко, один из лечащих врачей отца Михаила, вспоминал: «После операции 1996 года до своего ухода батюшка находился под постоянным наблюдением лаврских врачей и докторов из Москвы, которые регулярно посещали его в келье. Вспоминается разговор, за несколько лет до кончины, когда его состояние в очередной раз ухудшилось и он был слаб. Корректируя лечение, врачи объясняли свои действия: "Батюшка, надеемся, что наши усилия помогут вам дожить хотя бы до ста лет". На что отец Михаил

*Отпевание отца
Михаила*

незамедлительно и бодро ответил: "А это меня не устраивает! Я желаю жизни вечной!"».

В жизнь вечную отец Михал отошел 14 июля 2009 года, в четвертом часу пополудни. Особых внешних обстоятельств, свидетельствующих о том, что старец скоро преставится, не было. Последние годы, конечно, он пребывал в сильной телесной немощи — казалось, его здесь уже ничто не держит. Даже веки на глазах он не мог сам поднять — пальцы на руках не сгибались. И чтобы увидеть пришедшего, он приподнимал веки той частью руки, которая могла двигаться...

В последнюю ночь отец Михаил почти не спал. «Радуйся, Невесто Невенестная», — очень часто повторял он припев из акафиста как бы в забытьи, в полусне. В 9:00 обычно начинали келейное правило, но в этот день батюшку не стали будить, потому что он только заснул. Проснувшись около 11:00 и узнав, который час, старец немного осерчал: нужно было все равно будить и молитву начинать в свое время — правило должно исполняться вовремя, и телесные

Могилка отца Михаила на братском кладбище в с. Деулино

немощи не причина его откладывать. Причастившись Святых Христовых Таин, старец как будто мирно уснул и при завершении канона на исход души отошел ко Господу. Как раз начиналось вечернее богослужение. Пока шла служба, отца Михаила облачили в погребальные схимнические одежды. После службы братия из храма пришли в келью, послужили литию и соборно с пением перенесли тело старца в Духовской храм. Чувствовалось не только торжество, но и строгий порядок. Все вписывалось в монастырский уклад.

В своем соблезновании наместнику и братии монастыря Святейший Патриарх Кирилл отметил: «Со скорбью воспринял весть о кончине одного из старейших насельников Свято-Троицкой Сергиевой лавры схиархимандрита Михаила (Балаева). Его почти полувековое монашеское служение началось под покровительством святителя Иоасафа Белгородского. При постриге в схиму его небесным заступником и ходатаем стал святой Архистратиг Божий Михаил, что явилось знамением пламенной веры схиархимандрита Михаила и ревностного служения Господу. Двадцать лет приснопамятный инок с прилежанием во славу Божию нес послушание в Патриаршей резиденции в Переделкине. Его усердием поддерживалось должное благолепие, сохранялась преемственность древних традиций. На протяжении последних двух десятилетий отец Михаил неленостно совершал иноческий подвиг в стенах Троице-Сергиевой лавры, стяжав уважение и любовь братии. В связи с постигшей утратой выражаю искреннее соблезнование вам, досточтимый владыко наместник, и всем насельникам монастыря. Да упокоит Господь душу новопреставленного схиархимандрита Михаила в обителях небесных и сотворит ему вечную память».

Схиархимандрит Михаил погребен на братском кладбище в селе Деулино Сергиево-Посадского района.

Братия Лавры и духовные чада отца Михаила сохранили в своем сердце и донесли до нас высказывания старца, которые могут назидать и сейчас. Вот некоторые из них:

- Монахом становится человек не при постриге монашеском, а еще в миру — когда сердце загорается любовью ко Христу.

*Схиархимандрит
Михаил*

- Нужно опасаться формального отношения к молитве. Нельзя молиться без внимания, только для счета, — «горох перебирать».
 - Умереть на послушании — это особая милость Божия, а вот искалечить себя излишним рвением и стать ни на что дальше не способным — это большой грех.
 - Самое страшное — это зажать свою душу в тиски. Вот начнет монах или мирской человек подвизаться — и так себя смиряет, так понуждает, что перетянет все туго-туго и душе не дает вздохнуть: ни радости, ни живой молитвы нет. Оттого в уныние потом впадает или в прелесть.
 - Надо давать душе радоваться и «скакать, играя», как царь Давид радовался о Господе. Разве можно о Нем не радоваться?! Это и будет настоящая молитва!
 - Обязательно нужно приумножить тот талант, который дал Господь: кому петь — петь, кому учить — учить, кому рисовать — рисовать. Господь потом строго спросит.
 - Никого не осуждай! Засунь нос себе под мышку — и там себя нюхай.
 - На слезах всегда вырастают цветочки.
 - Уныние — это грех. Веселитесь всегда — это самое правильное устройство. Веселитесь духовно: и правило можно радостно петь — это молитва.
 - Очень полезно делать выписки из книг святых отцов — те места, которые особенно запали в сердце. После перечитаешь — и сердце снова согреется от них. Это тоже молитва.
 - Нельзя, чтобы Господь был у тебя слугой.
 - Правды на земле нет. Правда — на Небе. Но у нас на земле есть кусочек Неба — это Святая Церковь.
 - Очень хорошо, когда что-то получается, а что-то нет. И смиришься, и потрудишься, и помолишься.
- Самым частым и запоминающимся наставлением старца были слова, которые он обычно говорил на прощание: «Прыгай веселее». Такое его радостотворное благословение надолго оставалось в душе.

Иеромонах ПАФНУТИЙ (Фокин)

¹ Село Богородское издавна славилось мастерами резной игрушки. Известно, что богородской деревянной игрушкой играли не только крестьянские дети, но даже и русские царевичи, а искусство резьбы по дереву зародилось здесь в XVI веке.

² Еще один известный список иконы «Одигитрия Вяземская Ратная», созданный в 2023 году, находится в Главном храме Вооруженных сил России в Кубинке.